

Иной как ценность: культурно-историческая антропология и социальная практика в поисках человечности¹

А.Г. Асмолов

Дорогие коллеги!

Сегодня, еще раз обдумывая темы, которые нас здесь собрали, я задавался несколькими вопросами. Обращаясь к профессионалам, работающим с детьми, мне хотелось бы предложить термин «дети с по-иному развитыми способностями». Это дети с особыми проблемами, дети со сложностями физического и психического развития и, наконец, дети с различного рода дефектами. Используя эти лингвистические конструкторы, мы не знаем, «как слово наше отзовется» в культуре. Поэтому при всем уважении к науке дефектологии и ее создателям, любви к ней, в свое время я обратился с предложением изменить название одного из институтов Российской академии образования и «Институт дефектологии» назвать более мягко: «Институт коррекционной педагогики».

Каждый раз, когда мы ставим эти проблемы, мы сталкиваемся с вопросами, которые я сформулировал в названии своего выступления: кто такой «иной» как ценность и каково отношение к «иному» не в научной комьюнити (в научной комьюнити – само собой), а в разных культурах? Этот вопрос, казалось бы, выходит далеко за рамки обсуждаемой проблемы, но для меня он центральный.

При анализе феноменологии детей с по-иному развитыми способностями надо прежде всего видеть иного как ценность и разделить все культуры на две ценностных ориентации. Существуют культуры, которые много лет назад я назвал «культурами полезности», и существуют культуры, именуемые нами «культурами достоинства». И отсюда: в какой системе ценностных координат мы работаем, от этого и зависит наше решение.

¹ Доклад на III Международном форуме «Каждый ребенок достоин семьи» на тему «Образование со смыслом: особый ребенок в образовательном пространстве». Москва, 2014.

Я хочу перечислить ряд имен, которые, казалось бы, для некоторых не связаны с помощью детям с по-иному развитыми способностями. Однако эти люди являются примером сложности данной проблемы. Я привожу их имена не в порядке значимости: Жан Ванье, Бруно Беттельгейм, Виктор Франкл, Рудольф Штайнер с его антропософией, Петр Чаадаев – имя, которое вы вряд ли слышали в этом ряду, Мартин Лютер Кинг, Андрей Сахаров, Януш Корчак, Осип Мандельштам, Андрей Макаревич.

Я не случайно бросил в ваше сознание этот ряд имен. Что между ними общего? Что общего между ними и теми, кого во времена инквизиции, Средневековья называли «ведьмами»? Что общего между ведьмами и детьми с расстройствами аутистического спектра? Что общего между ними и теми, кого называют «человек дождя»?

Похожи ли друг на друга и на отношение к ним в культуре следующие феномены?

Феномен «гадкого утенка» – он всем хорошо известен по замечательной книжке Г.Х. Андерсена.

Другой феномен называется, благодаря роману Стругацких, «гадкие лебеди». Этот роман рассказывает о том, как дети ушли из города, потому что они – иные, потому что взрослое поколение отказывалось принимать их «иные» особенности, возможности. Роман Стругацких является вызовом XX веку, и поэтому он для нас важен.

Следующее явление, на которое обращаю внимание, – это «каста неприкасаемых». Вы знаете, что в определенных культурах, в частности, в Индии, существует каста неприкасаемых. Что за этим стоит? Как все эти явления связаны между собой? Я не случайно вместе с вами обдумываю и говорю об этих вопросах.

И тут возникает следующий вопрос. Пусть он прозвучит странно или даже чудовищно. Что общего между Освенцимом, Дахау, ГУЛАГом, тюрьмой, интернатом и тем, что Эрвинг Гоффман, изучавший психиатрические больницы, окрестил особым термином – «узилище»? Почему возник цикл исследований выдающегося мыслителя XX века Мишеля Фуко? Почему обсуждаются дискурсы: «Клиника, тюрьма как специальные организации изгнания иных, непохожих, отличных друг от друга». Где та грань, которую переходит общество, превращая «иных» и других отверженных в тех, кого надо бояться? Почему в культуре устойчиво говорят не только о ксенофобии и этнофобии, но также и о психофобии как определенного рода явления? Почему общество этого невероятно боится?

Когда я обдумываю эти вещи, мне хочется обратить внимание на следующее: как все отверженные платят за то, что в своей монографии «Аутистическое мышление» замечательный исследователь Эйген Блейлер назвал «потерей контакта с внешним миром»? Все они теряют контакт с внешним миром. Как они платят за то, что идущий по стопам Блейлера Юнг назвал интерверсией, продолжая путь, где он спорил и с Фрейдом, и с Блейлером?

После выхода работы Э. Блейлера 1911 года, посвященной мышлению, мы часто говорим о такой характеристике детей с аутизмом, как потеря контакта с внешним миром, иногда забывая другую характеристику и другого автора, который для меня не менее значим. У него проблема звучит жестче, сильнее и страшнее. Это великий психолог, психиатр, недооцененный сегодня мастер психологии личности, великий француз Пьер Жане. Мы знаем Жане как гениального психолога, занимающегося эволюцией личности, и как человека, который ввел понятие «бессознательное». Но вместе с тем я привожу его характеристику, где он как бы вступает в диалог с теми, кто исследует аутизм. Он говорит: главное – это не потеря контакта с внешним миром, а потеря чувства реальности. Далее он пишет: главное для таких людей – изначальная неспособность вибрировать вместе с реальностью (эту характеристику я не находил ни в одной из современных работ), а тем самым – неспособность адаптироваться вместе с ней и интегрировать ее. Сейчас все говорят об установке на интеграцию. Жане пишет не о том, чтобы интегрироваться к реальности, а чтобы присвоить реальность, интегрировать ее в свою психику.

Мы все время говорим: давайте наших «иных» детей «подстелем под общество», введем в общество. И не думаем о том, что общество и культура должны сделать свои шаги навстречу, измениться, перестать быть культурой, в которой человек – винтик. Перестать быть «культурой полезности», где ключевые установки – деперсонализация, де-индивидуализация, обезличивание и уничтожение любого разнообразия. Культура полезности имеет фильтры по отношению к любому разнообразию, она стремится это разнообразие уничтожить, а тем самым элиминировать тех, кто пытается это разнообразие поддержать. Каждый родитель, который отстаивает своего ребенка, и каждый психолог или педагог, который пытается защитить и придумать, как помочь ребенку с проблемами развития, должен отчетливо рефлексировать следующее: он борется за ценность само-

го любимого существа как иного существа. Но когда он борется, он сам – учитель ли это, мать, отец, педагог, психолог, логопед, социальный работник – должен понимать, что вступил в поединок с культурой полезности, с теми, кто хочет погасить разнообразие. Профессионалы помощи детям с проблемами по своей функции в культуре должны быть «мастерами по неодинаковости», мастерами понимания (не изучения!) разнообразия, понимания ценности различий. При этом они должны осознавать, что каждый раз, как только они встают на путь поддержки разнообразия, культура включает свои механизмы его уничтожения. Мы имеем дело не с явлением одиноким и вырванным из культуры, а с социокультурным феноменом. Только переделав, только преобразовав культуру – как это пытались Альберт Швейцер, Неру, Ганди, А. Сахаров, Януш Корчак, как сейчас пытается А. Макаревич, – сделав так, чтобы культура дала другие краски, чтобы она была чувствительна к разнообразию, можно изменить отношение к «иному».

Каждый раз те, кто борется за разнообразие, понимают, что в ответ на их усилия включаются механизмы деперсонализации и деиндивидуализации. Поэтому нам говорят: «Вы что, хотите отдельную программу для этих детей? А сколько это стоит?» И тут начинают взвешивать разные вещи, и начинают не понимать, что *ценность* человека и *цена* – вещи несовместные. В культурах полезности с их ориентацией на «эффективные контракты» мы все время занимаемся *ценой*, но не занимаемся *ценностью*. *Цена* и *ценность* – разные полюса.

А дальше нам говорят: «Мы вам хотим помочь. Зачем вам думать? Зачем вам разнообразие? Не лучше ли нас всех одеть в одну форму?» Как хорошо! А вы вспомните, где одевают в одну форму? Возьмите любой ГУЛАГ.

Я хочу задать вопрос, детально прописанный человеком, благодаря которому появилась (многие педагоги, к сожалению, это нечетко рефлексируют) «доктрина педагогики сотрудничества». Это произошло на даче писателя Анатолия Рыбакова, которого вы знаете как автора книг «Кортик» и «Дети Арбата», и которого социологи знают по произведению Леонида Ионина «Когда дети Арбата стали дедами». Там появилась педагогика сотрудничества, которую делали Ш.А. Амонашвили, С.Л. Соловейчик и многие другие «ведьмы» образования. В этой ситуации я хочу задать вопрос: что вы чувствуете, когда вам говорят: «Не надо программ»? Меня пугает, когда кто-то

приходит и говорит: «А давайте, чтобы с ними побороться, сделаем Единый стандарт для детей с РАС!»

Как вы думаете, какая была мера дисциплинарного воздействия на человека в фашистских гетто, если вдруг женщина использовала косметику? Она в форме, у нее – номер, но она все-таки решила покрасить губы. Многие предполагают, что сажали в карцер. Нет, как описывает в романе «Желтый песок» А. Рыбаков, была одна мера воздействия: если ты – индивидуальность и не потерял себя, если ты не похож на других, то мера пресечения – это пресечение жизни. Почему? Потому что индивидуальностью трудно управлять, индивидуальность каждого непредсказуема.

Когда я говорю об этих вещах, я тем самым хочу подчеркнуть, что каждый раз, когда мы занимаемся «иным» как ценностью и поддерживаем разнообразие, мы выступаем по формуле замечательного физика Э. Шредингера, писавшего: «Я иду против течения, но поток изменится». Он один из создателей неклассической квантовой физики, и сказал это не как физик, а как личность, и для меня это невероятно важно. Поэтому я хотел бы перейти к еще одной группе явлений и последствий того, как культура стирает индивидуальность.

Один из эффектов, на который я хочу обратить внимание, назван замечательным создателем драматургической социологии Эрвингом Гоффманом «эффектом порочного круга». У него была тяжелая судьба, его супруга покончила с собой в психиатрической клинике. В своих исследованиях, проведенных в 1970-х годах, Э. Гоффман как автор теории фреймов, как один из ведущих социологов XX века изучает жизнь людей в психиатрических клиниках и рассуждает: является ли патологией то поведение, которое расценивается в психиатрических клиниках как патология. И далее замечает, что естественное поведение протеста понимается как психопатологическая симптоматика. Так что же это – клиническое нарушение или ответ на те внечеловеческие условия, в которые поставлен человек?

Феномен порочного круга для нас с вами невероятно важен. И когда культура вынужденно выбирает путь интернатов, детских домов (вспомните значение слова «интернирование»), задумаемся, не являются ли они учреждениями своеобразной защиты общества от «иных», непохожих на них людей? Как бы ни были гениальны люди в этих учреждениях, как бы они ни действовали – чтобы преодолеть эти учреждения, их «смирительную рубашку», надетую на культуру, чтобы прорвать этот круг, их усилий недостаточно. Я хочу

обратить ваше внимание на те вещи, которые обычно остаются незамеченными. По сути дела, речь идет о социальной роли «иногo» в культурах – не психиатрическое заболевание, а социальная роль того, кому ставится диагноз эпилепсия, шизофрения, маниакально-депрессивный психоз. Это не просто постановка диагноза, это – приписывание социальной роли. Таким образом, мы переходим к еще одному пласту явлений, которые надо учитывать – это пласт явлений стигматизации.

Стигматизация «иных» – это культурно-историческое и социальное явление. По сути дела, когда мы говорим о стигматизации «иных», мы сталкиваемся с очень разными вещами. Прежде всего, стигматизация «иных» – это присвоение ярлыка и возникновение стереотипа, который состоит в том, что «заклейменному» дается характеристика: он неспособен к полноценной социальной жизни. Он лишается прав на общественное признание. И тогда возникает следующий круг. Приведу пример, который недавно анализировал на совсем другой реальности. Что происходит не с душевнобольными людьми, не с людьми, имеющими то или иное расстройство аутистического спектра, а с людьми, которые неожиданно оказываются в ситуации изгоев? Что происходит в наших онкодиспансерах с онкологическими больными? Я поставил следующие вопросы, которые полностью имеют отношение к любому «иному».

Первый вопрос относится к целой гамме явлений, но я формулирую его так: каким образом информация о диагнозе влияет на жизненное пространство, на жизненную перспективу? Когда человеку ставят тот или иной диагноз, какое влияние он оказывает на главное – жизненную перспективу личности? Уникальный цикл работ Курта Левина по жизненной перспективе, работы Ж. Нюттена и др. показывают, что определенное попадание в социальную позицию, социальную ситуацию сразу же приводит к тому, что начинаются дезориентация и потеря жизненной перспективы.

Второй вопрос, с этим связанный: не является ли диагноз, как «черная метка» (например, когда больному впервые говорят, что у него онкология), своего рода порождением того, что культурологи называют «культурным шоком»? Я говорю об онкологических больных. Но когда ставят диагноз ребенку – что происходит с родителями? У них – тот же самый культурный шок. А что такое культурный шок? Он возникает, как писали культурные антропологи, когда человек переходит из одной культуры в другую. Таким образом, диагноз

вырывает вас из культуры и переводит в другую культуру, и вы становитесь отверженным, мигрантом в своей стране. Это – переход из культуры в культуру, и тут начинает действовать вся симптоматика, экзистенциальная фрустрация культурного шока. Ее механизмы детально описаны культурными антропологами, но мы, когда работаем с клиникой или трудными детьми, эти механизмы не описываем. Поэтому я прошу задуматься о других системах отсчета: каждый раз, ставя диагноз ребенку или взрослому, задумаемся, насколько диагноз переводит его в другое культурное пространство или пространство, называемое Э. Гуссерлем или Ю. Хабермасом «жизненным миром». Когда ребенок получает этот диагноз, у него меняется жизненное поле, как сказал бы К. Левин, меняются жизненный мир, вся система ценностей, и общество начинает относиться к нему по-иному. Заметьте, что по-иному начинают относиться сами родители, хотя они вместе с ним «переезжают» в это иное пространство. Иначе относятся врачи, педагоги, учителя. Эти разные системы отсчета нужно внимательно анализировать.

Следующий момент, на который обращаю ваше внимание: как влияет на мотивационную динамику и психосоматику больных такая вещь, как отсутствие или присутствие в их жизни значимых других? Понятие «значимый другой» введено гениальным психологом и психиатром Г.С. Салливаном и так же известным Ж. Мидом. Всегда рядом с человеком должен быть значимый другой. Когда пространство значимых других сужается, оскудевает, испаряется, происходит следующее: человек оказывается вырванным, как гриб из грибницы, из системы социальных связей, оказывается приговоренным к изоляции, к одиночеству. Поэтому каждый раз, когда мы говорим об учителе, о семье, о родителях, важно понять – становятся ли они значимыми другими?

Я до сих пор ощущаю потрясение после просмотра фильма «Антон тут рядом». Он не только об Антоне. Это – приговор культуре полезности, тому обществу, которое не дает возможности детям и взрослым наладить человеческие каналы общения. Какой колоссальный труд нужен, чтобы Антон в другом взрослом увидел значимого другого – я говорю термином Ж. Мида и Г.С. Салливана! Не является ли значимый другой, которого он принял, ключевым мастером и гением психотерапевтических эффектов? Если он кого-то принял, то он персонализировался, и его процесс вхождения в этот мир пошел другим путем. И обратите внимание на еще одну линию фильма,

который всем советую посмотреть: здесь показывается, как Антон на протяжении всего фильма не только сам меняется – он дает смысл жизни матери, и она живет дольше, чем предполагает ее диагноз, боясь, что с ее уходом у сына не будет никого. И потом – это благодаря уже Любе – и отец обретает смысл жизни. Ребенок с аутизмом вдруг становится тем, кто дает смысл жизни другим людям – вот что важно. Такие вещи надо понимать и замечать, и это совершенно другая ценностная человеческая проблематика.

И я еще раз хочу выделить следующее: когда мы общаемся, мы должны задать себе вопрос: мы – значимые другие? Сумеет ли мы быть значимыми другими? Сумеет ли мы, как сказал бы мой любимый учитель А.Н. Леонтьев, стать личностным смыслом для другого человека? Значимый другой – это тот, кто имеет личностный смысл, тот, кто помогает вырастить мотивацию личности другого человека.

Известно, что когда ставится диагноз, появляется огромное количество моделей защиты, и люди через диагноз начинают инкапсулироваться, замыкаться в «социальные гетто». Возникает следующий вопрос: можно ли с помощью значимых других преодолеть эти модели психологической защиты? И еще один важный для меня вопрос я адресую людям, которые пытаются помочь «иным»: не чувствуем ли мы, что сами оказываемся в таких «социальных гетто»? Не испытываем ли мы эту тяжелейшую судьбу, помогая «иным», сами на себе? Любой диагноз – вещь опасная. Очень часто он воспринимается как приговор. И поэтому я благодарен одному из своих друзей и учителей, его, к сожалению, уже нет, за фразу, которая остается незамеченной и которую в своей книге вместе с М.К. Бардышевской роняет В.В. Лебединский. Есть такая замечательная книжка «Диагностика эмоциональных нарушений у детей». Книжка яркая, но я обращаю внимание только на слова о том, что клинические диагнозы детей (ранний детский аутизм, ранняя детская шизофрения, психоподобный и неврозоподобный синдромы), установленные в дошкольном возрасте, нередко пересматривались уже в младшем школьном возрасте. Кроме того, знание диагноза мало помогало в определении прогноза развития ребенка, особенно если не учитывалось, что аналогичные симптомы могут встречаться и часто встречаются в норме. Поэтому исследователи решили отказаться от клинической классификации как основополагающей для оценки тяжести эмоциональных нарушений у детей дошкольного возраста. Эти слова В.В. Лебединского и его коллеги очень важны. Однако я продолжаю размышлять в той

логике, которая для нас сегодня крайне важна, когда мы говорим о стигматизации.

По большому счету, мы должны четко понять, что стигматизация в виде диагнозов часто связана с дискриминацией определенных категорий «иных» в ментальной картине мира общества, в восприятии других людей – и тогда она приводит к ущемлению прав разных социальных групп. Это необязательно наша категория детей – появляются термины, где данная стигма звучит совершенно по-разному. Все знают «термин» «лица кавказской национальности». А я недавно шел и услышал: «Устали мы все от этих замкадышей!». Это хорошо поймут москвичи: «замкадыши» – те, кто живет за Московской кольцевой автодорогой – они все замкадыши, а мы здесь – «внутримкадыши». Или старый термин «лимита». Это – примеры навешивания ярлыков в культуре, когда к людям начинают по-другому относиться. Так же и с нашими категориями детей, но здесь наше общество такое щедрое! Когда я общаюсь – уже более 40 лет – со студентами Московского университета, я им всегда ласково говорю: дорогие мои, следите за языком. Если человек с улицы, не будучи психологом, психиатром, дефектологом, к кому-то подойдет и скажет: «ты идиот» – это ругательство. А в устах психолога или психиатра это диагноз. Когда вы читаете политические тексты, вы слышите: «ну это какая-то шизофрения» или «этот человек – псих»... Меня часто спрашивают коллеги-политики: «Он это делает – он же просто псих?» Я тогда вспоминаю гениальную формулу психиатра О. Бунке и говорю: «Дорогие мои, никогда не следует списывать мерзость нормы на патологию». Эти моменты для нас крайне необходимы и важны.

Дорогие коллеги! Что стоит за всеми этими явлениями и где же выход? Есть замечательная работа и замечательная фраза, брошенная Б. Бетельгеймом. Почему так спокойны по отношению к нам и к нашим детям? Почему спокойны к тому, что одни люди – «иные» – изгоняются из культуры? В написанной в конце 1960-х годов статье об аутизме и тоталитарном обществе Б. Бетельгейм, как бы к нему ни относились, обронил фразу, что царящее в тоталитарном государстве спокойствие оплачено гибелью души. Услышьте эту фразу и задумайтесь.

Но нельзя завершать на грустной ноте. В замечательной книге М. Булгакова «Мастер и Маргарита», когда Воланд дает спектакль, из зала поднимается человек и говорит: «А где же разоблачение?» Я не буду давать разоблачение, но обращаю внимание на следующее:

я мечтаю, чтобы начался конкурс фильмов, где бы давалась премия в номинации «Толерантность». Что такое толерантность? Это ценностная норма поддержки разнообразия в культуре. Все вы помните фильм «Человек дождя». Там идет речь об уникальном синдроме, связанном с тем, что у людей с аутизмом называется «остров гениальности», когда некоторые способности невероятно развиты, – это же уникальное отстаивание ценности этих людей в культуре. А другой фильм, который так редко идет, – «Форест Гамп». Вспомните, как переводится с английского «Форест Гамп» – это «лесной болван». Все вы помните судьбу Фореста Гампа – он меняет целую историю культуры. Что это, как не признание ценности «иного» и возможности этого «иного», когда культуре трудно, найти и особые пути развития для этой культуры?

И наконец, я очень хотел бы, чтобы каждому, кто занимается с детьми с по-иному развитыми способностями, дарили мультфильм, созданный выдающимся российским мастером – мультипликатором Гарри Бардиным. Я имею в виду не тот мультфильм, который вы все знаете, «Гадкий утенок», – есть другой мультфильм, короткометражный. Я мечтаю, чтобы вы все его посмотрели. Он называется «Адажио». Этот фильм совсем маленький, но он посвящен судьбе «иного» как ценности в культуре. Это великое описание того, что происходит с каждым из вас.

Перехожу к родным управленческим реалиям. Когда мне сейчас говорят: «А зачем так много логопедов в этой стране? Что мы, без дефектологов не обойдемся?», а при встрече с психологом говорят: «Псих!» – нас с вами старательно, неспешно, уверенно стигматизируют. Но если они думают, что мы от этого получаем удовольствие... Я не считаю, что психологи – это люди с генетическим мазохизмом. И повторю не раз, как говорил всегда: сейчас появляется новая педагогика, я называю ее «педагогика достоинства», а не «педагогика сотрудничества». Они рядом, они вместе, они неразрывны. Эта педагогика – так же, как и педагогика сотрудничества, родилась в поселке писателей – в Пахре. В 1967 году собралось несколько человек, которых многие сидящие здесь по юности не помнят, но я помню хорошо. Это были Александр Трифонович Твардовский, Александр Исаевич Солженицын и муж моей сестры, которого я считаю старшим братом, писатель Владимир Тендряков (некоторые знают его по фильмам «Весенние перевертыши», «Чужая родня», «Ночь после выпуска»). Они обсуждали уникальный вопрос реформирования

российского и советского образования. Я был тогда в десятом классе. Слушал, вдумывался. И вдруг В. Тендряков достал книгу, которую я привез вам сегодня. Для меня она является библией образования – это книга Януша Корчака «Как любить детей», где о детях говорится поразительные вещи. Когда я держу эту книгу, я вспоминаю, как В. Тендряков в журнале «Знамя» написал статью «Ваш сын и школа Коменского». Школа Яна Коменского, говорил он, это фабрика производства среднего ученика, из этой школы выбрасываются три категории детей: дети с отклонениями в развитии, одаренные дети и несовершеннолетние правонарушители. Возникает треугольник, который я позже назвал «треугольником групп риска российского образования». Все эти дети оказываются группами риска, и, как вы знаете, среди одаренных детей суицидов на 20% больше, чем у других категорий детей. И вот появилась статья, в которой говорилось следующее: ничего с образованием не получится, пока на троне образования не будет достоинство личности. Это главное, это – ценностный горизонт, ценностный ориентир.

Я завершу выступление строками, которые больше всего люблю. Это строки из поэмы Александра Галича «Кадиш», посвященной Янушу Корчаку. Они вложены в уста великого гения культуры достоинства Януша Корчака и относятся ко всем нам:

Все я, Боже, получил сполна.
Где, в которой расписаться ведомости?
Об одном прошу, спаси от ненависти,
Мне не причитается она.